
Татьяна Абалова
ПРИЗЁР ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА «ЛИТНЕТ»
2024
ВЕДЬМИН КОСТЁР
ОБОЖЖЁННЫЕ ЛЮБОВЬЮ

Татьяна Абалова

Ведьмин костёр: обожжённые любовью

https://litres.ru/71203888
SelfPub; 2024

Аннотация

Она не думала, что видит жениха в последний раз. Нападение врагов на город заставило бежать и скрываться в племени воров и ворожей. Кто узнает в наглой и самоуверенной гадалке княжескую дочь? Но враг умен и коварен и идет по следу последней из рода Беримиров.

Содержание

Аннотация:	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Татьяна Абалова
Ведьмин костёр: обожжённые любовью

Ведьмин костёр: обожжённые любовью
Автор: Татьяна Абалова

Аннотация:

Она не знала, что видит жениха в последний раз. Нападение врагов на город заставило бежать и скрываться в племени воров и ворожей. Кто узнает в наглой и самоуверенной гадалке княжескую дочь? Но враг умен и коварен и идет по следу последней из рода Беримиров.

Глава 1

– Ясна, а что я тебе привез!

Всякий раз, когда я втайне от родителей встречались с женихом, он радовал меня милыми сердцу подарочками. То лентами шелковыми, то бархатными туфельками с загнутыми носами, то расшитым бисером кошельком. В этот раз привез нечто огромное, растопырившее седельную сумку так, что один бок лошади выглядел несуразно большим.

– Что там, Игорь? – я в нетерпении переступала с ноги на ногу, пока он отстегивал поклажу. – Покажи!

– Э, нет! – он бросил сумку на траву. – Пока не заплатишь поцелуем, не узнаешь!

Я с готовностью подставила губы. Вечная торговля с женихом доставляла нам обоим удовольствие. Хоть и не велели нам родители встречаться до свадьбы, мы все равно нашли укромный уголок, где нас никто не видел.

Мои подруги считали меня счастливой. Мало кто влюблен в будущего супруга. Отцы лучше знают, кто подходит, а кто нет. Но мне с Игорем повезло. Встретившись однажды на ярмарке, в таком необычном для женщин месте, как оружейные ряды, мы не могли оторвать друг от друга глаз.

– Это откуда же такая жар-птица взялась?! – изумленно спросил он, отойдя от своих приятелей, разглядывающих ножи и кинжалы. – Чудо чудное, красота невиданная…

Я тоже присматривала подарок для отца, и была удивлена неприкрытым интересом. В нашем городе каждый знал меня в лицо и подойти, а уж тем более заговорить, никто не отважился бы. Еще бы, дочь самого князя Беримира.

Я подняла глаза и ахнула. Передо мной стоял такой же, как и я, рыжий парень. Нечасто я встречала подобных себе – поцелованных солнцем. Очень вовремя мои няньки увлеклись потешными боями, устраиваемыми заезжими скоморохами, и позволили мне поговорить с незнакомцем без свидетелей. Всякий знает, незамужней дочери князя нельзя одной выходить из дома, а уж тем более общаться с рыжими незнакомцами.

На восхищенный взгляд парня я ответила таким же дерзким, за что меня непременно отругала бы мама. Не опустила глаза, как положено, не покрылась румянцем смущения, не бросилась под защиту зазевавшихся нянек, а ввязалась в игривую беседу. Уж больно незнакомец мне понравился. Голубоглазый, чернобровый, ладный. И видно было, что совсем неиспорченный. Пухлость щек и пух над верхней губой говорили о том, что он только-только минул черту, после которой можно считаться уже не отроком, а мужчиной.

– Жар-птица из золотой клетки взялась, – я задрала нос. – А вот откуда в наш город залетела птичка-зарянка, так сладко поющая, очень хотелось бы знать.

Я улыбалась. Назвала птичкой, а в этой зарянке рост немалый. Выше меня, тоненькой тростиночки, на целую голову.

И размах плеч, несмотря на юность, такой, что сразу понятно, балуется оружием. Наверняка и меч в руках держит умело, и тугую тетиву ловко натягивает.

– Так мы с того берега реки, – он повернулся и показал рукой в сторону мельницы, видной из этой части города. – Недавно в ваши края перебрались. О крепости Ратиборов слышала? Теперь мой отец в ней хозяин.

– Уж не княжич ли Игорь передо мной? – я всплеснула руками. Моя младшая сестра Дара все уши прожужжала о появившихся за рекой братьях. Один здоровый, точно боров, и с именем таким же говорящим – Горан, а второй… Ладный. Ох и ладный. И улыбка такая светлая.

– Так и есть, – его улыбка сделалась еще шире.

Игорь смущенно сунул пятерню в вихры, чем нарушил покой огненных кудрей. В них тут же запутались солнечные лучи. Они так красиво блестели, что мне самой захотелось запустить пальцы в тугие локоны. Жаль, что нам, княжеским дочерям, непозволительно выходить из терема с распущенными волосами. На моем плече лежала туго заплетенная коса.

– А где брат твой Горан? – очень хотелось посмотреть на того, кто на Дарину произвел особое впечатление.

– А вон он, в красной рубахе, – Игорь обернулся на толпу приятелей.

– Если брат, то почему чернявый? – мне Горан не понравился. Смеялся громко, так, что видны были все до послед-

него зубы. И волосы на щеках, будто щетина. Боров, чистый боров.

– Он родной мне лишь по матери, – пояснил Игорь, возвращая ласковый взор на меня. – Скажи, не будешь против, если я зашлю в твой дом сватов? Только имя свое назови.

Смотри, каков пострел! Я, может, и не была бы против, но не быстро ли он решился на важный шаг? Жену, точно пыль, с рук не смахнешь.

– А ты попробуй! – со звонким смехом ответила я, уверенная, что отец первому встречному свою кровиночку не отдаст. – А звать меня Ясна. Я Беримирова дочь.

– Княжна?! – ахнул и вновь пятерней вихры потревожил.

– Что? Птица не твоего полета?

– Отчего же? Я только с виду зарянка, а на самом деле сокол.

Сокол. Я и сама это видела. Но вот разглядит ли отец в нем пару своей дочери? Вряд ли.

Но я ошиблась. В тот же день, как пришли сваты, он дал согласие. На смотринах, когда познакомились обе семьи, наши отцы с радостью хлопнули по рукам.

– Как же так? – спросила я у матушки, удивленная таким быстрым решением. Обручение было назначено на неделе, только успевай приготовиться, а свадьбу договорились устроить уже через месяц.

– У нас еще со старым хозяином крепости были споры за владение заливными лугами, а новый сказал, что отступится

от тяжбы, если породнимся, – она огладила свой большой живот. Отец все еще надеялся, что родится наследник. Были и до того попытки, но из семерых детей выжили только я да Дарина.

Я поцеловала матушку в мягкую щеку и пошла думать, товар я или не товар, если мною заплатили за заливные луга. Хотя зачем сомневаться, если сваты заявились со словами: «У вас – товар, а у нас – купец»?

Через неделю мы обменялись клятвами и обручальными кольцами. Жених незаметно шепнул мне, что хочет чаще видеться. Будет каждое утро поджидать в березовой роще, что раскинулась как раз у кромки заливных лугов.

– Постарайся отвязаться от подружек-поглядушек, – попросил он, хотя уже был предупрежден, что одну меня из дома не выпустят. – Не дадут же откровенно поговорить.

Зная мой неугомонный нрав, родители строго следили за мной. Боялись, как бы мы еще до свадьбы не увлеклись взрослыми играми. Уж больно мы оба были горячими, огненными, на что ясно указывал наш цвет волос. И конечно же, мы не удержались, чтобы не начать целоваться на первом же тайном свидании.

И вот спустя месяц наших встреч, во время которых сестра дурила нянек и тетушек, чтобы они не заподозрили о моем отсутствии, жених привез очередной подарок. Самый дорогой из тех, что уже дарил.

– Заморских мастериц творение, – Игорь вытащил из се-

дельной сумы алое платье и, встряхнув богатую ткань, явил все его великолепие.

– А как же такое да без нижней рубахи носить? – удивилась я глубокому вырезу и тугим рукавам.

– Эх, хотел бы я, чтобы ты в таком пошла к алтарю, – жених приложил иноземное платье ко мне. Его ладони на плечах обжигали.

– Что ты! Не позволят! Мой венчальный наряд шьют семь швей, в доме треск стоит от коклюшек – так усердно работают кружевницы, а ты хочешь, чтобы меня выпустили в народ с оголенной грудью?

– Ну хоть примерь. Не пропадать же подарку.

– Так здесь же раздеваться донага надо, – я с сомнением покачала головой, понимая, что придется снимать платье и обе рубахи: нижнюю и верхнюю. Знала бы, надела простой сарафан, который ношу дома, прячась от жары.

– Разденься, я не буду смотреть. Спиной повернусь.

Соблазн был велик. Я взяла платье и зашла за березы. Взмахнув длинными рукавами, точно крыльями, полетела в траву моя верхняя одежда. Я подумала, не оставить ли нижнюю рубашку, но поняла, что лишь испорчу чудной наряд. Ни себе удовольствия, ни жениху.

– Помоги, не могу до пуговок на спине дотянуться, – я вышла на свет, прижимая ладонями лиф алого платья. Открытые плечи и глубокий вырез смущали. Убери я нечаянно руки и предстала бы перед Игорем в облаке из воздуш-

ной ткани, спустившейся к моим ногам. – Как же они это все удерживают на груди?

Жених зашел за спину, немного повозился с пуговицами. Резко дернул, завязывая ленты, что перевивались под грудью, чем лишил меня дыхания.

– Ой, очень туго, – простонала я, чувствуя в ребрах боль.

– Иначе нельзя, мне так объяснили.

– Ну хоть чуточку воздуха.

– Тогда руками придется держать, чтобы платье не свалилось.

– Ну ладно, потерплю, – согласилась я, дыша через раз.

Вот что значит сравнение. Я уже радовалась своему тяжелому, расшитому каменьями платью, что готовилось для венчания. Оно держалось на мне основательно, как колокол на крюке нашего храма. Да и выглядело так же, словно было сшито не из ткани, а отлито из серебра.

«Не нужны нам никакие заморские штучки, – я опустила глаза, разглядывая себя. – У самих прекрасно все получается. Не стыдно будет на люди выйти».

– Иди сюда, – Игорь, расправив ленты, неожиданно подхватил меня на руки. Я взвизгнула, но быстро успокоилась: он поставил меня на пень и одернул летящую ткань. – Расплети косу.

Я послушно стянула с косы нитку жемчуга. Тряхнула головой, позволяя волосам упасть на открытые плечи.

– Повертись по кругу. Только смотри, не свались.

Когда я исполнила и эту просьбу, то услышала восторженное:

– Какая же ты красивая!

Мне и самой нравилось, как я сейчас смотрюсь. Только все равно я чувствовала себя голой, отчего не переставала полыхать краской румянца.

– Ну все, помоги его снять, – сказала я, спрыгивая с пенька. Едва не упала, наступив на подол, и, если бы не Игорь, вовремя подхвативший меня, растянулась бы во всю длину.

Я не сразу поняла, что он слишком долго не выпускает меня из объятий, а когда дернулась, услышала у самого уха шепот:

– Знала бы ты, как сильно я тебя люблю, Ясна. Так сильно, что не стал бы ждать и дня, лишь бы обладать тобой, как женой.

– Невеста не девственница – позор семьи, – прошептала я, борясь с мурашками, которые побежали по спине от горячего шепота Игоря.

– А кто, кроме тебя и меня, будет знать истину? Я увезу тебя в свою крепость, и не в обычаях Ратиборов выставлять простыни с пятнами крови на всеобщее обозрение. Я и так тебе буду мужем через каки-то пять дней.

– Шесть, если считать сегодняшний…

Горячие руки Игоря скользили по моей спине, губы прикасались к чувствительной под ухом коже. Осознание того, что под мужскими ладонями голое тело, добавляло остроты.

Нам давно не хватало поцелуев. Были попытки пойти дальше, но обоюдная неопытность да куча одежды, под которую не пролезешь, охлаждали наш пыл. А тут никаких преград. Сдвинь шелк – и вот она грудь. Задери юбку – и вот они гладкие бедра.

Глава 2

Мы оба были совсем юными и ничего не пробовали, кроме жарких лобызаний. Оба являлись девственниками, а потому, ступив на путь соблазна, ясно не понимали, чем может закончиться любовная игра. А Игорь продолжал и продолжал искушать, целуя шею, плечи, сминая жадными руками тонкую ткань.

– Я боюсь, – прошептала я.

– Чего, глупышка?

– Как бы кто не узнал, чем мы тут занимаемся. Позора не оберемся.

– Хочешь, зайдем в высокую траву? Там мягко и никто не увидит, – его пальцы дергали за ленты на спине, и те распускались с шелестом.

– Скоро девичник. Как же я подругам в глаза посмотрю? – сердце так грохотало, что я не слышала собственный голос. – Все же давай подождем. До свадьбы осталось всего-то пять дней.

– Если считать сегодняшний, то целых шесть. Зачем ждать, если мы любим друг друга? Мы никогда не расстанемся. Я обещаю, что не предам тебя, не посмотрю на другую, не встану на сторону врага. Ты мой свет, моя радость, моя жизнь. Днем раньше, днем позже, какая разница?..

Пуговки выскальзывали из его пальцев, путались в шел-

ковых петлях и не желали открывать больше того, что уже было открыто.

– А если случится дитя? – я закусила губу.

– Девять месяцев без пяти дней? Кто почувствует подвох? Считай, ты уже мне жена, а я тебе муж. Осталось дело за малым, – он развернул меня и нежно поцеловал в каждый глаз.

– За каким малым? – я думала, он говорит о постели, которую мы не испачкаем, если все случится сегодня.

– Отсидеть за свадебным столом.

– Если мы уже муж и жена, то где же наши венчальные кольца? – я обвила его шею руками. Пусть целует, пусть мечтает, что позволю большее. Все же я сберегу себя для нашей первой ночи. – Что-то я их не вижу. А обручи на наших пальцах говорят, что мы всего лишь жених и невеста и должны блюсти себя.

– Без венчальных колец никак? – он улыбнулся, а я утонула в озерах его глаз. – А если они появятся здесь и сейчас, ты перестанешь упорствовать?

– Перестану, – я знала, что кольцам взяться неоткуда, их привезут в крепость Ратиборов только через три дня, поэтому не боялась пообещать.

Но я опять ошиблась. Игорь метнулся к седельной сумке и вытащил на свет два кольца. Одно из них, поменьше, светилось серебром, что должно указывать на чистоту невесты, другое, побольше, было мужским, выплавленным из золота.

– Их привезли сегодня утром, – он позвенел кольцами, а я, понимая, в какую ловушку попала, кинулась бежать.

Подол путался под ногами, и его пришлось подхватить. Сердце билось сумасшедшей птицей. Я летела, сама не зная куда, чем еще больше раззадорила Игоря. Я разбудила в нем охотника, забыв, что нет ничего слаще погони за желанной добычей.

– Не уйдешь! Все равно поймаю! – кричал он, а я отвечала смехом.

«Это всего лишь игра», – думала я. Оборачивалась, чтобы оценить, как близко подобрался он ко мне, и душа замирала в предвкушении дурашливой схватки.

Он поймал меня у ручья, который я не сумела перепрыгнуть. Потревоженные нами, ввысь взлетели десятки стрекоз.

– Вот ты и попалась, лиса…

Солнце и яркие блики на воде, радужные крылья стрекоз и изумрудная трава. Воздух полнился ароматом полевых цветов. Разгоряченные бегом и недолгой возней, мы забыли, что обещали блюсти чистоту помыслов. В нас росло желание прикасаться друг к другу и обмениваться поцелуями.

Треск тонкой ткани, острый запах смятой травы, от падения на которую мы не удержались, горячее дыхание и взгляд глаза в глаза – все происходило словно в тумане. Мы были точно два безумца, которые, наконец, освободились от пут.

Ладонь Игоря скользила по моему обнаженному бедру, поднимая юбку все выше и выше. Я пыталась вернуть подол

на место, но он вновь оказывался задранным.

– Перестань…

– Ну уж нет… Я тебя поймал и хочу свой приз…

Я закрыла глаза, отдаваясь поцелуям. Слышала, как гремит пряжка ремня, как шелестит одежда. Выгнулась навстречу ласкам жениха, словно дикое животное, подчинившееся природному зову. Низкий вырез платья не помешал мужской руке проникнуть под ткань. А когда та была сдвинута, нашелся простор и для губ.

Я прислушалась к чувствам, когда случилось самое сокровенное, но не обнаружила в душе ни страха, ни раскаяния. Меня переполняли доверие к любимому человеку и отголоски непознанных ранее ощущений.

– Теперь ты моя жена, – Игорь лег на спину и, притянув меня к себе, нежно поцеловал во влажный от испарины висок.

– А ты мне муж, – ответила я, кладя голову ему на грудь.

Щебечущие над головой птицы, шелестящая под порывами ветра трава и звенящий ручей стали свидетелями наших клятв. «Мы вместе навеки», – радостно подумала я, предвкушая долгую и счастливую жизнь.

Глаза закрылись сами по себе.

– Вставай, соня, – прошептал Игорь, поцеловав сначала в лоб, потом в кончик носа и, наконец, в губы. Я потянулась и улыбнулась любимому. Солнце стояло высоко.

«Сестра меня убьет», – запаниковала я. Еще ни разу я так

надолго не задерживалась.

Игорь стоял уже полностью застегнутый, а на себя я смотреть боялась. Страшно было представить, что стало с платьем после бега по траве. И лохматая, наверное, словно ведьма.

Я предчувствовала, что от вопросов Дарины не уйти. Она увидит меня и все поймет, но какие найти оправдания? Признаться, сделав ее хранительницей моей тайны, или цыкнуть на правах старшей сестры, чтобы не приставала? Но тогда она обидится и откажется покрывать мои отлучки.

Игорь подхватил меня на руки и легко понес к березовой роще. Ему не мешали ни высокая трава, ни цепляющийся за нее подол моего платья.

– Так бы всю жизнь носил тебя, не отпуская, – он улыбнулся, заметив, что я не отвожу от его лица глаз.

– До свадьбы осталось каких–то пять дней, – я не могла не смотреть на него. Такого родного и любимого… мужа. Я покатала на языке слово, к которому следовало привыкнуть.

– Придешь завтра? – мы снова были на полянке между березами, где терпеливо ждала хозяина лошадь.

Игорь помог раздеться. Погладил нежно тело, когда натягивал на меня прохладную нижнюю рубашку. Не удержался коснуться ноющей от жарких ласк груди.

– Не знаю, – я закусила губу, понимая, что завтра все повторится. Нас теперь не остановить. – Чем ближе день свадьбы, тем больше хлопот.

– Я все равно буду ждать. Каждое утро.

Алое платье было безнадежно испорчено. Потемневшие пятна крови на подоле заставили густо покраснеть.

– Я возьму его с собой. Станет нашей реликвией, – Игорь поднес моток из алой ткани к губам и поцеловал его. Сунул в дорожную суму и надежно закрыл, чтобы не было видно ни клочка.

Прежде чем забраться в седло, притянул меня к себе и вновь глубоко поцеловал.

– Люблю тебя больше жизни.

– И я тебя люблю, – еле выдавила из себя. Но не от того, что не желала признаваться. Душили слезы. Расставаться не хотелось. Если бы не родители, прыгнула бы сейчас в руки любимого, чтобы увез к себе и никогда больше не отпускал.

– До завтра, милая.

Блеснув белозубой улыбкой, Игорь умчался. А я нырнула в рощу, чтобы выйти к южной стороне городской стены. Здесь к воротам съезжались повозки со всей округи – до ярмарочной площади рукой подать, и стояла вечная толчея. Неяркое платье, обычный, как у многих, платок, прячущий рыжие волосы, делали меня незаметной в толпе.

Я уже предвкушала, как кривыми улочками проберусь к княжескому терему, а там через хозяйские дворы недалеко и до нужной двери. Быстрый шаг по деревянной лестнице приведет меня на женскую половину. Слепая старуха-приживалка поднимет голову, проводит бельмами глаз, как про-

вожала всякого, кто шел мимо, и опять предастся дреме. А я проскользну в покои сестры, которая сейчас притворяется, что вместе со мной разучивает молитвы.

Дарина обладала удивительной способностью говорить разными голосами, что многих вводило в заблуждение. Както даже папеньку передразнила басом, за что получила от него недовольный взгляд и выговор.

Я подшучивала над ней. Обещала, что она без куска хлеба никогда не останется. Если лишится папенькиного покровительства, то спокойно прокормит себя в компании бродячих скоморохов.

Все случилось бы так, как проходило обычно, если бы не звон колокола, оборвавшийся внезапно. Всего один удар, но сердце мое зашлось в страхе. Я подхватила юбки и понеслась к воротам. Вечно толкущийся у въезда народ тоже ничего не понял, но встревожился. Поднялся гвалт и началась давка. Все стремились протиснуться быстрей, чтобы узнать, из-за чего храмовый колокол подал такой странный знак – треньк-нул и замолчал.

Меня внесло в город вместе с толпой. Сначала никто ничего не видел, но звонкий голос, крикнувший «Смотрите!», и указующий вверх палец заставили поднять глаза. Небо быстро заволакивало дымом. Сначала белым, потом все темнее и темнее. Когда мы добежали до площади, над головами уже клубилась чернота.

Горел храм. Распахнутые настежь ворота явили объятые

пламенем суровые лики богов – Перуна, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Семарга… Богиня Мокошь еще не горела, но на дереве явно проступили янтарные капли. Точно она плакала, предвидя смуту, которая никого не пожалеет. Такой пожар не потушить, таская ведра с водой.

– Это что же такое происходит? – надрывно спросил женский голос. – Какой супостат посмел?

Заметно было, что дело вовсе не в случайно упавшем огарке – храм подожгли с четырех сторон. Вскоре показались и виновники. Люди разбойного вида с факелами в руках грозились спалить каждого, кто подойдет ближе. Кинули один такой в окно соседнего дома, и огонь тут же принялся пожирать утварь и хорошо просушенное в жаркое лето дерево.

Кто-то странно всхрапнул за спиной. Я обернулась и увидела катящуюся ко мне голову городского стражника. Его упавшее плашмя тело так и продолжало крепко держать пику. А всадник, с чьего кровавого меча капала на землю кровь, зорко выискивал следующего смельчака.

Завыли, заголосили бабы, толпа бросилась врассыпную, а я метнулась к улице, что вывела бы меня к родному терему. Ни к чему играть в прятки, когда случилось нечто ужасное: в городе хозяйничал неизвестный враг. Я бежала, не жалея ног и особо не прячась, пока совсем недалеко от дома не наткнулась на преграду – лежащего поперек дороги мертвого человека.

Я вскрикнула, узнав в нем дядьку Ждана – правую ру-

ку моего отца, помогающего вести торговые дела. Страшные предчувствия заставили схватиться за сердце. Старый друг всегда был рядом с хозяином города.

Отца я нашла неподалеку. Если бы не кровь, пятном расползшаяся по спине, я бы подумала, что князь просто споткнулся и, крепко ударившись, набирается сил, чтобы подняться. Прижавшись щекой к земле, он с изумлением смотрел мне под ноги.

Глава 3

Мой прежний счастливый мир рухнул в одночасье.

– Папка, ты что? Вставай! – я упала рядом с отцом на колени. До дома оставалось не больше полста шагов. – Я помогу, ты только поднимись. Нас мама ждет.

Я тормошила его за плечо, хотя уже точно знала, что князь Беримир мертв.

Страшный треск и крики заставили меня поднять глаза на наш дом. Я смотрела и не верила. Самый красивый терем в городе враз потерял свое величие. Разбитые окна, вывалившиеся наружу занавески. Ворота широко распахнуты, а во дворе орудуют чужаки. Все в черном, точно слетевшиеся на поле брани вороны. А из окна комнаты моей сестры рвется наружу пламя.

– Дарина?! – произнесла я срывающимся голосом. Горюя над убитым отцом, я совсем забыла, что у меня есть еще сестра и мама, которые тоже в опасности. Я поднялась, чтобы бежать к ним, но в этот момент кто-то сильный обхватил меня сзади за плечи и дернул назад.

– Дура! Уходить надо!

Я попыталась вырваться из захвата крепкого мужчины – его борода щекотала мне щеку, но сбоку подскочил кто-то другой, худенький, точно ребенок, но прыткий. В такой пестрой одежде и с таким размалеванным лицом, что сразу заря-

било в глазах. Он ловко натянул мне на голову колпак с колокольчиками. Я слышала, как жалобно они тренькнули. Скоморошью шапку нахлобучили так низко, что лишили зрения. Держа под руки, эти двое поволокли меня прочь от дома. Я едва успевала перебирать ногами.

– Вот так–то, девонька, никто тебя не узнает. Наша братия хоть и заметная, а все равно для людей безликая, – задыхаясь от быстрого бега, приговаривал старший, что до того назвал меня дурой. – Что люди обычно запоминают? Шапку дурацкую, дудку-свистульку да песни-пляски наши дикие. А за лицами, свеклой крашенными, они человека не видят. Так что молчи, милая. Пусть думают, что шуты заезжие из города бегут. Еще чуть и выберемся. Нам бы до ворот добраться в целости, а там у реки наши стоят.

– Мне к маме надо, – пропищала я, мотая головой, пытаясь хоть как-то сдвинуть шапку с глаз, – она с сестрой в беде.

– Им, милая, уже ничем не помочь. Всех домашних уже перебили. Мы их тела на заднем дворе видели. А отца твоего враг поджидал. Затаился, зная, что князь первым делом к жене кинется. Он сам, бедняга, в руки врага и пришел.

Я перестала двигать ногами. Повисла куклой.

– Дядька Петр, зачем ты ей о мамке с сестрой рассказал? – тоненьким голоском возмутился малой. – Тащи ее теперь волоком.

– Ты, девка, не дури, – больно ущипнул меня за щеку Петр. – Рано собралась помирать. Тебе за смерть своих еще

отомстить надо. Ты теперь последняя из рода Беримиров. Так что приготовься к своей войне.

Наущения подействовали. Я передумала умирать. Теперь в моем мозгу стучало одно слово: месть. Я не понимала, как буду мстить, и смогу ли переиграть жестокого врага, даже имя которого мне неизвестно, но мое будущее обрело смысл.

Мне бы только выбраться из города, а там я добегу до крепости Ратиборов. Кинусь к мужу своему, а он к отцу и брату. Пусть соберут дружину и погонят врага с наших земель.

Меня уже не было нужды тащить, я сама бежала впереди всех, ведомая отважными мыслями. Поправила шапку, заткнула за пояс верхнюю юбку, чтобы не мешала шагу. Подняла с земли горсть пыли, закрыв глаза, кинула себе в лицо, чтобы уж наверняка не признали.

На воротах ждали. Сидели на таких же черных, как одежды, конях, с беспокойством оглядывали лица бегущих из города людей. Не хотели упустить добычу. Меня искали или кого из сотоварищей отца, не знаю, но перехожих артистов выпустили без задержки.

– Ты куда собралась? – окликнул дядька Петр, когда я торопливо поблагодарила скоморохов и повернула к роще.

– За реку! – я махнула рукой, указывая направление. – В крепость к Ратиборам. Они помогут.

– Глупая, – покачал головой дядька, – так и не поняла, кто на ваш дом напал?

– Даже не смей так думать! – я топнула ногой, не зная, как

переубедить Петра. – Игорь муж мне!

– Ну да, ну да. А спроси меня, кто твоей сестре подол задрал, прежде чем убить.

– Игорь не мог, – я сжала пальцы в кулаки, слыша гнусный навет. Хотелось ударить лжеца по его глупой физиономии. – Он бы не успел, мы с ним только расстались!

– Ну не знаю, как у них там роли расписаны, а вот только я своими глазами видел, как Горан твою сестру в сарай за косу волок.

– Дядька Петр, не надо, – жалобно пискнул малец, – ее сейчас удар хватит. Видишь, как трясется.

Петр осекся. Взял меня за руку и потащил к реке – в обратную сторону от рощи. Я не упиралась.

– С нами хотя бы не пропадешь. Маленько силы наберешься, придумаешь, что дальше со своей жизнью делать, и иди на все четыре стороны. А пока мы твоя главная опора.

– Зачем я вам? – у меня уже не было сил сопротивляться. Участь сестры меня убила. Что сотворили с мамой, даже думать не хотела.

– Твой отец всегда был добр к нам. Не гнал, разрешал заработать. Почему же мы к его кровиночке должны спиной повернуться? Добро за добро.

– Зло за зло, – переиначила я, оглядываясь на разоренный город.

Запряженные повозки ждали только нас.

– Нашли? – окликнула мальца черноволосая девчонка, яр-

кая представительница племени рома. Цветастая юбка и звенящие монисты на шее не дали обмануться.

– Насилу догнали, – буркнул мальчишка, отбирая у меня свой колпак.

Я огляделась и заметила, что из некоторых кибиток на меня глазели смуглые лица вечных жителей дорог. Как только мы запрыгнули в последнюю из повозок, странный обоз, состоящий из смеси бродячих скоморохов и черноглазых рома, тронулся.

Очень страшно оставаться один на один со своими думами. В памяти тут же всплыли образы сестры и матери и смотрящие с укором глаза отца. Я винила себя за то, что тайно ушла из дома. Казалось, останься я на месте, и судьба моих родных не была бы столь ужасна. Могла ли я изменить ход событий? Нет, конечно. Но меня тяготило, что в момент, когда их убивали, я миловалась со своим женихом.

Об Игоре, умышленно или нет уведшим меня из дома, ни хорошо, ни плохо думать не хотелось. Плохо – значит, он был в сговоре с врагом, но нашел иной способ одержать победу. Поиграл с дурочкой, получил удовольствие и отбыл. Глупышка сама найдет свою смерть, когда явится домой. Хорошо – Игорь ничего не знал о планах родственников и теперь сам находился в опасности. Если он не примет поступок родичей, сделается им злейшим врагом. А если примет? Неужели я настолько ошибалась? Неужели Игорь вовсе не сокол, а мелкая птичка зарянка?

Я измучила себя размышлениями. Нужно было отвлечься разговорами, хоть какими-то, чтобы не сойти с ума или не зайтись в рыданиях.

– Дядька Петр, что-то я не поняла, – я перелезла к нему поближе. Натянутый на дуги полог надежно скрывал едущих в телеге. – Выходит, вы нарочно за мной в город отправились?

– Мы уже хотели тронуться, чтобы покинуть страшное место, но заметили, как ты вышла из рощи, – мужчина снял шляпу, украшенную длинными фазаньими перьями, вытер рукавом вспотевший лоб. – Побежали предупредить, что тебе в город не надо, но толпа нас разделила. Насилу выбрались из нее.

– А почему с вами рома? – я видела, что на задке предыдущей телеги болтали ногами эти двое – малец-скоморох и девчонка в монистах. – Они же воры и конокрады. Мой отец их никогда не привечал.

– Обездоленные всегда к друг дружке жмутся. Как я мог бросить на полуночной дороге несчастных женщин с детьми?

– А где их мужчины?

– Перебили всех под Торжанами. Они у тамошнего князька хотели табун увести. Вот и поплатились. Их женщины насилу ноги унесли. Все добро побросали. А я их пожалел. Хоть и вороватый народ, но поют душевно. Так и колесим. Мы выступаем, они гадают. А деньги в общий котел склады-

ваем.

– Дядька Петр, мне бы убедиться, что мой муж жив. Не верю я, что он к погрому причастный. Клялся же, что никогда врагом мне не станет.

– Э, нет, – он покачал головой. – К Ратиборам сейчас только безумец сунется. Мы все новости в ближайшем городе узнаем. О таком вероломстве быстро гонцы весть разнесут. Там и посмотрим, враг тебе твой жених или нет. Милая, а почему ты его называешь мужем? Ведь свадьбы у вас так и не случилась. Нас твой батюшка пригласил гостей повеселить, и мы думали, что в городе еще на неделю задержимся.

Посмотрев на меня внимательно и увидев, что я прячу глаза, цокнул языком.

– Без свадьбы, видать, справились.

– Мы думали, что пять дней ничего не изменят… – выдавила я из себя.

– А оно вон как случается, – вздохнул Петр и положил мне на плечи руку. Прижал к себе, понимая, что сейчас польются слезы. – Поплачь, милая. Легче станет.

До ближайшего города добирались две недели. Могли бы долететь быстрее, но заходили в крупные села, где тоже находились охочие поглазеть на пляски-драки скоморохов.

Рома сильно не высовывались. Понимали, что их не любят, и в случае ссоры защитить будет некому. Артисты сами нуждались в защите. Из крепких мужиков их было всего четверо. Дядька Петр самый старый. Он считался предводи-

телем ватаги. Остальные трое значительно моложе: балалаечник, акробат и певец.

Малец в шапке с колокольчиками исполнял роль шута, а девчонка в монисто – плясуньи. Она же гадала по руке, и я видела, что маленько подворовывала. То пару яблок из корзины зазевавшейся тетки вытащит, то понравившуюся ленту незаметно с косы снимет.

Наблюдать за жизнью ватаги было интересно. Правда, я боялась нос из кибитки высунуть, чтобы не приметили мои рыжие волосы, поэтому подсматривала в дырочку. Основания прятаться были. В одной из деревень дядька Петр слышал, как расспрашивали о рыжей девке – сбежавшей княжне. За меня обещали большие деньги. Да и мы сами не раз видели отряды всадников в черных одеждах, которые скакали то в одну сторону, то в другую.

После таких расспросов не оставалось сомнений, что в обозе все знают, что за птица прячется в повозке дядьки Петра. Оставалось только надеяться, что никто не польстится на большие деньги.

– Может, мне уйти? – спросила я как-то своего покровителя.

– Нет, – отрезал он. Всегда так делал, чтобы не вступать в спор.

– Если найдут, что вы меня прятали, никого не пожалеют, – я знала, что говорю. Видела, как безжалостен враг.

– Тебе одной и дня не прожить. Люди Горана тут же смек-

нут, что за лиса выбралась на дорогу.

– Ну не могу же я быть вечной нахлебницей. Вижу же, что небогато живете.

– До города потерпи. Что-нибудь придумаем, чтобы тебе и людей не бояться, и начать ватаге пользу приносить.

На том и порешили.

Глава 4

Уже на подъезде к городу решено было остановиться в большом придорожном селении. В самом людном месте, у трактира, наши скоморохи-кукольники дали первое «дневное» представление. Я видела, как это делается, еще на нашей площади. Кукольники напяливали на себя длинную юбку с обручем и поднимали ее над головой, сооружая таким образом круглую ширму. Оставалось дело за малым – надеть пальчиковые куклы и на радость сбежавшейся детворе устроить сказку. Обычно показывали «Медведя и козу».

Хотя дядька Петр приказал увести обоз подальше от дороги, чтобы ненароком не нагрянули незваные гости, звонкие голоса скоморохов, поющих частушки и бьющих в ложки, были слышны далеко за околицей.

Пока ряженые зарабатывали на хлеб, предводитель ватаги договорился с местным старостой о месте, куда можно на ночь привести обоз и где росло вдосталь травы для лошадей. Получив добро, телеги выстроили вдоль ручья, напоили лошадей и, стреножив их, отпустили пастись в поле, после чего каждый занялся своим делом. Кто постирушками, а кто и латанием скоморошьих нарядов. К выступлению в городе готовились с особым тщанием. Никак нельзя было ударить в грязь лицом: тамошний зритель видал всяких артистов.

Ближе к ночи дядька Петр отправил к трактиру вторую

партию певунов и плясунов. Я знаю, что частушки для взрослых пестрели непотребными словами, но они всякий раз вызывали смех и приносили богатый куш. Показывать свое мастерство ушли и некоторые из женщин рома.

Я быстро собрала развешанное по кустам стираное белье и бегом понесла его в нашу кибитку. Тоже хотелось хоть одним глазком увидеть потешное кривляние скоморохов. Но больше всего мне нравилось смотреть, как танцует та самая девочка в монистах. Ее звали Зора, что с языка рома переводилось как «зорька».

Ее друга – мальчишку-шута, белобрысого и голубоглазого, с веснушками по всему лицу, кликали Егоркой. Над ним частенько подсмеивались обозные, замечая, какими влюбленными глазами он смотрит на свою чернявую зазнобу. Ее бабушка не мешала их дружбе, хотя остальные женщины рома шипели на нее: внучка уже была обещана другому. Как только наша ватага прибудет в столичный Град, Зора перейдет в табор будущего мужа.

– Погоди, дело есть, – задержал меня Петр, когда я забросила в нашу повозку кипу белья, собираясь разобрать его после того, как наслажусь выступлением наших.

Поковырявшись в сваленных в углу мешках, мой наставник вытащил самый нижний. Как оказалось, в нем лежали женские вещи. Усевшись поудобнее, Петр растягивал в руках то одну тряпку, то другую, на глаз определяя, что отложить в сторону, а что сунуть назад.

Когда я, едва справляясь с нетерпением, спросила, для чего он отбирает вещи, Петр ответил:

– Девку рома из тебя будем делать. Запомни, звать тебя отныне не Ясной, а Ягори, что значит на их языке «огонек». Зорька и ее бабушка помогут тебе стать настоящей дочерью дорог и научат своему ремеслу.

Какому ремеслу мне предстоит обучаться – пляскам, гаданию или воровству, Петр не уточнил. А я была рада уже тому, что в городе мне не придется прятаться в кибитке. Меня ждала свобода.

– А как же рыжие волосы? – все же я переживала, что даже на улицах крупного города окажусь заметной.

– Будет для любопытных объяснение, почему тебе дали такое имя. Твои волосы полыхают огнем.

– Что-то мне боязно…

– Не бойся. Никто тебя не опознает. Какая княжна позволит напялить на себя вещи рома да выйдет перед народом трясти монистами? Накрасим тебе щеки, подсурьмим брови, будешь на пяток лет старше смотреться. Об остальном позаботится Мирела – бабушка Зоры.

– Да я не опознания страшусь, а того, что не сумею трясти монистами, – я с сомнением приложила к себе цветастую, слишком откровенную рубашку.

– Ничего, потихоньку научишься. Мирела с тобой всякими секретами поделится. Я с ней уже договорился. Сложи в суму все, что я отобрал, и ступай к ней. Она лучше знает,

что тебе подойдет.

Я закинула сумку за плечо и пошла искать кибитку Зорьки. Женщины, готовящие на костре ужин для всей ватаги, проводили меня долгими взглядами. Вроде бы и не было в них неприязни, но в то же время чувствовалось, что они побаиваются, как бы я не сделалась источником невзгод. В их и без того беспокойную жизнь с моим появлением добавилась тревога.

Мирела – полноватая, рыхлая, вечно жалующаяся на больные ноги старуха, в чудно повязанном платке и выглядывающими из-под него двумя седыми косицами, ревностно рассмотрела каждую вещь, которую я принесла.

– Надо же, не пожалел, – сказала она, ковыряя ногтем вышивку по горловине блузки. – Нам никому даже дотрагиваться не позволял, а тебе отдал.

Я подняла на бабушку Зорьки глаза.

– Дочери его умершей вещи. Любила красиво одеваться, – пояснила она и, отложив блузку, встряхнула льняное платье с широкой юбкой. – Мало похоже на то, что носим мы, но если добавить цветастый пояс и нашить монет-побрякушек, то вполне сгодится. Ткань хорошая, крепкая.

Вытащив из сумки, я подала старухе красную юбку, которая мне понравилась больше остальных вещей. Мирела, рассмотрев ее, одобрительно качнула головой. Годится.

– А что случилось с дочерью Петра? – осторожно спросила я.

– В родах померла. Вместе с ребеночком.

– Давно? – у меня сжалось от жалости сердце.

Старуха подняла глаза к небу.

– В конце осени год будет. Это она заставила Петра нас приютить. Добрая была.

– А отец ребенка? – я быстро перебрала в голове подходящих по возрасту скоморохов. Неужели акробат? – Он тоже из обозных?

– Не думаю. Здесь всякому Петр голову за Раду оторвал бы. А она так и не призналась, кто обрюхатил ее. Любила, сказывают, сильно, а он посвататься не пожелал.

– А где мать Рады?

– Вдовец наш Петруша. Сам девчонку растил, баловал. Видишь, одежда какая дорогая. Теперь совсем один остался. Мы давно могли в другой табор перейти, но как его бросить? Сроднились уже.

– Дядька Петр сказал, что вы можете меня мастерству ромa обучить, чтобы в городе новую плясунью за одну из вас приняли, – я нарочно отвлекла бабушку от грустных дум. Видела, что та уже трет глаза, готовые вот-вот пролиться слезами.

– За танцами к Зорьке обращайся, мои ноги давно не годны коленца выделывать. А вот ворожбе я научить в силах. Ты, наверное, сама уже догадалась, что каждая рома чуть-чуть ведьма?

При слове «ведьма» я вздрогнула.

– Да не пугайся ты так. В нас напускного больше, чем всамделишного. Чтобы стать настоящей ведьмой, надо пожить у колдовского источника, а его не так легко найти. Далеко не всякой из нас посчастливилось побывать там. Владеем немножко чарами, но тут больше от знания людских душ, чем волшебного.

– А как же гадание? Можно, конечно, наплести о будущем, а ну как спросят о прошлом?

– Подай-ка мне вон тот ларец, – она показала пальцем на лежанку, в голове которой виднелась корзина, наполненная всякой всячиной. Я на коленках поползла в дальнюю часть кибитки.

Небольшой ларчик оказался старым, потертым, и отчего-то в руках его держать было неприятно. Я поморщилась.

– Что? Почувствовала? Колдовское дерево непременно нужно обшить кожей, иначе все его волшебные свойства испарятся.

– Что за странная кожа? Тонкая, шелковистая… – я поднесла ларец к свече. Ее старуха запалила сразу же, как только я пожаловала в кибитку со своей сумой. Уже стемнело. – Телячья?

На ощупь она мало походила на ту, из какой шили обувь.

– Все, что ты видишь, долгие годы находилось у колдовского источника. Чтобы в амулете сохранились силы, его обшивают кожей последней ведьмы.

Я тяжело сглотнула и, не в силах понять произнесенных

слов, пискнула:

– Последней ведьмы? Кожа, что ли, человеческая? – я торопливо сунула ларец в руки Мирелы и вытерла ладони о платье.

– Так и есть. У каждого источника живет старуха, его стерегущая. А сама она – строгий служитель Закона Кармы и обладатель пограничной силы Яви и Нави.

Я шепотом повторила за Мирелой последние слова, понимая, что она говорит о ведьме, живущей на границе меж двух миров: живых и мертвых.

– Там все, и воздух, и деревья вокруг, и даже самый малый камешек, пропитываются колдовской силой. Из деревьев, коим по возрасту иногда больше тысячи лет, делают амулеты. Но чтобы подольше сохранить в них силу, используют кожу последней ведьмы. После ее смерти, конечно. Другую применять нельзя, не поможет. Амулеты настолько редки, что их, точно драгоценность, передают от матери к дочери.

Я, не дослушав Мирелу, выскочила из кибитки и, упав на колени, вывернула на траву содержимое желудка.

– Ты погоди блевать, – окликнула меня старуха. – Капли на пустой живот пить нельзя.

– Какие капли? – прохрипела я.

– Известно какие. Колдовские. Хочешь же промышлять гаданием, как рома? Без этого нельзя.

– Я стану ведьмой? – я поднялась с колен и вытерла рукавом рот.

Мирела открыла шкатулку и на просвет посмотрела содержимое темной склянки.

– Нет. Но ты будешь видеть то, чего другим не дано.

– А вы ведьма?

– Нет. Говорю же, чтобы стать настоящей ведьмой, нужно у источника пожить. А это не всякий выдержит. Можно и умереть. Колдовская сила в больших количествах способна погубить. А в малых, – она потрясла пузырьком, – только на пользу.

– Что там? – я боязливо посмотрела на руки ведьмы.

– Простая ключевая вода. Но стоит ее подержать в ларце, как она пропитается колдовской силой. И так из раза в раз.

– А вам не жалко делиться такой редкостью?

– Для дела общего ничего не жалко. Станешь немножко рома. В твои зеленые глаза не всякий решится посмотреть.

– Почему зеленые? Они у меня карие, – я придвинулась ближе, чтобы Мирела рассмотрела.

– Прости, деточка, но таковы законы колдовства. Ты изменишься. Разве дядька Петр не сказал, когда отправлял ко мне?

– Нет, говорил, что научите мастерству рома, – мой голос дрожал. – Щеки накрасите, брови насурьмите, чтобы я сама на себя похожа не была…

– Колдовство – это темная сила. И за обладание ею нужно заплатить. Ты перестанешь быть прежней, – она взяла меня за подбородок и повертела, чтобы рассмотреть лицо. – Не

бойся, красоту не потеряешь, но узнать тебя будет сложно. Ты просто станешь другой. Разве не этого ты хочешь сама? Жить свободно, не оглядываться и не бояться, что в тебе распознают княжну из рода Беримиров?

– Но я привыкла к себе такой… И еще… мой жених Игорь. Вдруг я ему не полюблюсь в новом облике? – я все еще надеялась, что мой суженый не причастен к смерти близких.

– Разве ты мечтаешь, чтобы тебя любили только за карие глаза? А как же душа? Если чувства настоящие, то он всегда узнает в тебе свою возлюбленную. А сейчас нужно постараться выжить. Хотя бы для того, чтобы встретиться с ним вновь.

Глава 5

Кто знал, что дядька Петр и бабушка Зорьки придумают такой необычный способ обмануть моих врагов? Я страшилась выпить ведьмины капли, но спорить не стала. Лучше уж измениться, чем погибнуть. Обещали же, что останусь красивой.

Бабушка Зорьки неожиданно громко свистнула. Прибежала девчонка лет десяти. Блеснула черными глазами.

– Принеси чашку наваристой похлебки, – приказала ей Мирела.

Когда ее приказ был выполнен, она заставила меня съесть все до последней капельки. Бросила на землю одеяло и указала расправить его.

– Зачем? – удивилась я, когда старуха велела лечь.

– Чтобы не убиться, – коротко объяснила она, с кряхтением выбираясь из кибитки. Я так и не успела спросить, почему могу убиться, Мирела поторопила. – Теперь высуни язык. Больше.

Страшась того, что произойдет, я закрыла глаза. Почувствовала, как на язык упала капля, другая, третья. Без вкуса и запаха. Старуха запела на непонятном языке. Я прислушалась к своим ощущениям и только хотела сказать, что ничего не чувствую, как у меня закружилась голова. Я провалилась в черноту.

Вскоре она рассеялась, и я увидела пламя. Сначала маленькое, как свечной огонек, но потом оно начало расти, и к видению присоединились звуки: треск горящих домов, между которыми я оказалась, и полные отчаяния крики людей. Я чувствовала жар пламени и смрад гари, но продолжала идти к строению на холме, которое не могло гореть, поскольку было каменным. На фоне объятых огнем срубов оно выглядело зловеще.

За свою жизнь я несколько раз проезжала мимо крепости Ратиборов, и всякий раз она поражала меня своим величием. Готовясь к свадьбе, я думала о том, как буду жить в ее палатах. Каменных и холодных. Совсем не то, что наш теплый и нарядный, благодаря резными украшениям, терем. И сейчас я безошибочно угадала потемневшего от времени каменного монстра.

Если наш город окружал деревянный частокол, то здесь на меня надвигалась мрачная крепостная стена, закрывающая половину неба. Она смотрела на реку и поля узкими глазницами бойниц. По четырем углам высились сторожевые башни, охраняющие ядро крепости – палаты, где жили Ратиборы, и доставшийся им от прежнего хозяина воинский отряд.

Через глубокий ров у основания крепости был перекинут подъемный мост, и я не понимала, почему его не убрали. Раз горела прижимающаяся к холму деревня, то воины в первую очередь должны были поднять мост, чтобы защитить себя и всех тех, кто бежал от врага. Разве что враг пришел не извне,

а явился изнутри?..

Я медленно шла по мосту. Пыталась сквозь клубы дыма рассмотреть стяги, раскачиваемые порывами ветра. Когда подошла ближе, в ужасе зажала ладонями рот. То были не стяги. На балке у ворот висело три тела. Я узнала их. Совсем недавно я видела их живыми: хозяина крепости – князя Ратибора, его жену и сына, чьи рыжие волосы не дали ошибиться. Я видела мертвого Игоря.

Я упала на колени и согнулась от резкой боли в животе. Боль была настолько сильной, что я закричала, не в силах перенести ее. Где-то далеко заплакал маленький ребенок, и только его непрекращающийся жалобный писк не дал мне умереть. Я нутром почувствовала, что сделай я хоть шаг ближе к воротам, и за ними меня будет ждать смерть, такая же лютая, какая постигла любимого. Но за спиной, там, где плакал ребенок, все будет иначе. Светло и… радостно. И я развернулась и пошла на этот тоненький голосок.

Ветер принес не только запах гари, но и нагнал туч. В лицо брызнул дождь.

– И давно она так мечется? – услышала я голос Петра.

– Давно. Сама не понимаю, почему ведьмовские капли принесли столько страданий, – ответила ему старуха Мирела. – Она выла в голос, но мы не смогли разбудить.

Меня ударили по щеке, и я открыла глаза. Увидела сидящего на корточках Петра. Мое лицо оказалось мокрым то ли от слез, то ли от воды, которой брызгали, чтобы привести в

чувство. Мирела держала ковш. Ее глаза беспокойно блестели.

Небо полнилось звездами, рядом трещал костер, возле которого сидели женщины рома. Как только я поднялась, они запели. Громко, надрывно. Но к моему удивлению, эти нестройные голоса развеяли ужас, который я вынесла из видения.

– Все, моя хорошая, все закончилось, – старуха погладила меня по голове, а я кинулась к Петру, встала рядом с ним на колени и крепко обняла.

– Я видела. Я все видела, – зашептала я. – Игорь и его родители погибли, они не виноваты в смерти моих родных.

– Я знаю, милая, знаю, – Петр погладил меня по спине. – Староста деревни рассказал. Эта страшная весть обогнала нас. Ратибор взрастил на своей груди приемного змееныша.

Я заплакала, не веря, что человека, которого любила больше жизни, уже нет. Я видела перед собой улыбающееся лицо Игоря, его лучащиеся добротой глаза и рыжие кудри с запутавшимся в них солнцем. Я слышала голос, который в восхищении произносил: «Какая же ты красивая!».

Я теперь другая. Я не видела себя, но уже знала, что той милой наивной девочки с именем Ясна больше нет. Есть Ягори, которая будет мстить.

– Что еще тебе привиделось? – старая рома наклонилась, опершись о крепкое плечо Петра. – Говори, это важно. Раз показалось прошлое, должно было прийти и будущее.

– Я не видела, я слышала. Плач младенца. Он был очень тихим, но я перестала думать о смерти и пошла на него.

Старуха цокнула языком.

– Что? – поднял на нее глаза Петр.

– Скажи, как давно ты видела свою кровь? – наклонившись еще ниже, прошептала Мирела. – Мы в пути много дней, но ты ни разу не отстирывала от исподней рубахи красные пятна.

Я напряглась, вспоминая.

– Больше месяца назад. Но это ничего не значит, – поторопилась оправдаться я. – У меня случалось, что кровь приходила через раз.

– Тебя познал мужчина? – вопрос Петра и вовсе смутил.

– Отвечай, милая, – подбодрила Мирела.

– Да, – я опустила горящее лицо. – Всего один раз. И это был мой жених.

– Оставил-таки свой след на земле, – выдохнул Петр.

– У меня будет ребенок? – я приложила руку к животу, не веря в происходящее.

– Вот почему она так долго в себя не приходила, – старуха с трудом распрямилась. – Как же я забыла спросить? Ведь тяжелым капли давать опасно.

– Я потеряю дитя?! – я еще не осознала, что ношу под сердцем ребенка, но уже страшилась лишиться последнего, что связывало меня с Игорем.

– Нет, – покачала головой Мирела. – Раз слышала детский

плач, он родится, но…

– Но?

– Ведьмовская сила его тоже изменит.

– Как?

– Кто знает? Пока не вырастет, не поймем.

– Но были же случаи? – я схватила Мирелу за подол, не позволяя отойти от себя. – Скажите, что произошло с теми детьми?

– Кто обретал способность понимать звериный язык, кто сам умел превращаться в зверя, а иные были награждены колдовской силой.

– Но это же хорошо? Не во вред людям? – я жила надеждой, что дитя от Игоря станет его продолжением – добрым и красивым.

Старуха вздохнула.

– Зачем девочке печалиться о плохом? – не дал сказать ей дядька Петр. Поднялся сам и поднял меня. – Каким мамка воспитает, таким дитя и будет.

Я долго не могла уснуть. Ворочалась. Дядька Петр даже прикрикнул на меня.

– Чего тебе не спится?

Я прислушалась к лежащему между нами Егорке, но различила лишь ровное дыхание. Ему хоть в уши кричи, не шелохнется. Так набегается за день, что спит мертвым сном. А вот у дядьки Петра сон чуток.

– Я все дни после смерти родных сама словно мертвая бы-

ла, – прошептала я в темноту. Знала, Петр услышит. – Но больше всего меня тревожило, что я поверила Игорю. Себя ему отдала, а он… Теперь же я твердо знаю, что мой жених не виноват. Сам от рук брата пострадал. Мне больно принять, что он погиб, но в то же время радостно, что я в нем не ошиблась. А ребеночка этого я хочу. Пусть хоть волчонком родится, буду любить. В нем же половинка от моего Игоря.

– Да, – только и сказал Петр.

– Одного не пойму, – я повернулась на бок и положила ладони под щеку, – как у Горана рука поднялась на родных. Ладно князь Ратибор был ему чужим, но убить брата и мать…

– Много зверей в человеческом обличье по земле ходит. Сразу и не угадаешь, – Петр тяжко вздохнул.

– Но зачем? Разве ему плохо жилось? Я видела его. Сытый и довольный.

– Зависть. Игорь хоть и младший брат, после отца сделался бы хозяином крепости. А как иначе? Княжеский наследник. А Горан никакого титула не имел. Простолюдин. И мать его из простых. Пришлось бы со временем в подчинение попасть или крепость покинуть и собственными хлебами перебиваться. А уходить не хотелось. Тут еще свадьба близко, а значит, не пройдет и года, родится еще один законный наследник, который приберет к рукам не только крепость Ратиборов, но и славный город Беримиров. Ты же старшая в роду, а значит, тоже наследница.

– Но матушка была на сносях, мог родиться сын, – возразила я.

– Вот Горан разом все и порушил. И на левом берегу реки он один командир, и на правом – главный. И время-то как хорошо подобрал. Ваши пустили его в дом без опаски – как же, брат жениха! А до того он смекнул, что Ратиборовский отряд к новому хозяину еще не привык. Может, воины обижены были им? Урезал довольствие или ввел новые порядки. Кто теперь знает? Посулил Горан денег и добра, вот и примкнули к нему.

– Поэтому в моем видении крепость была цела, а вот деревня под ней – нет. Но зачем ее жечь?

– Для острастки. Там только факел кинь, все огнем займется. Дома липли друг к дружке.

– Как мне дальше жить, дядька Петр? Я с дитя только обузой всем буду.

– Назову тебя своей дочерью. А малого – внучком. Или внучкой. Моего душевного тепла на всех хватит. Будем странствовать. А как придет зима, встанем на постой. Новые пляски-частушки придумаем. Ты к весне как раз родишь, и мы снова в путь тронемся. Заживем!

– А как же месть? Неужели спустим Горану с рук его преступление?

– Пока дитя не подрастет, о мести придется забыть. Сейчас для тебя главное – себя и душу в добром здравии сохранить.

– Но пока пузо на нос не лезет, я могу выходить к людям с Зорькой, чтобы заработать? Знаю же, что пеленки потребуются, – у меня шла голова кругом.

Поплакать бы, пожалеть себя, но слезы куда-то делись. И печаль камнем лежала на сердце. Вчера еще была невестой, а сегодня круглая сирота и невенчанная вдова. А к весне на руках появится орущий комочек. Не знала я, что жизнь умеет делать такие страшные повороты.

Со всеми этими переживаниями совсем забыла, что я больше не я, а Ягори, рожденная в таборе рома. Посмотреть бы на себя новую в зеркало, но не хотелось дядьку Петра тревожить, спрашивать, не осталось ли от его дочери зеркала. И так полночи маялся, утешая меня разговорами.

Глава 6

Утром все же решилась попросить, и получила небольшое зеркальце на узорной ручке. Мне давно, еще в начале пути, были выданы Петром гребень и несколько простых лент для кос. Гребешок оказался парой этому зеркальцу. Сразу было заметно: одним мастером сделаны. Нитку жемчуга, что перевивала мою косу, пришлось спрятать. Я хотела продать дорогое украшение, но дядька Петр не позволил. Сказал, пусть на память о хороших временах останется.

«Повезло мне на добрых людей», – подумала я тогда, переплетая косу.

Я не сразу заглянула в зеркальце. Сначала перемыла плошки после завтрака, пытаясь не смотреть на свое кривое отражение в ручье, потом скатала и убрала постель. Дождалась, когда Петр и Егорка, все утро беспрестанно пялившийся на меня, уйдут в поле, чтобы привести лошадей. Пора было трогаться в путь.

Прежде чем разглядеть себя, я уняла бешеный стук сердца. И без зеркала было понятно, что изменилась: волосы от рождения были медного оттенка, а теперь сделались чуть ли не красными. Еще виться круто начали, будто я на самом деле родом из рома. Одно хорошо, голос стал более глубоким. Пропали писклявые ноты, словно я сделалась старше. Я даже попробовала петь и удивилась, как ладно получилось. Но

вот остальное…

– Чего киснешь? Не понравилась самой себе? – спросил Петр, приведя наших лошадок. Заметил, как я закусила губу, вертя головой туда-сюда. – Красивая же, как и обещали.

– Красивая, – буркнула я, пряча зеркало. – Но совсем чужая.

– Ничего, привыкнешь. Даже Егорка признался, что так ты гораздо милее смотришься.

– Не узнаю я себя, отчего жутко становится, – я горестно вздохнула. – Нос вроде такой же, да не такой – более курносый, что ли. Губы сделались тоньше, а рот меньше.

– Зато глаза на пол-лица, – Петр улыбался.

– Но не карие, к каким я привыкла, а зеленые. Как вода в застоявшемся пруду. Брови широкие и темные, как у персиянки. И сиськи… – я отвела глаза, борясь с собой, чтобы не сказать «как вымя у коровы». – Откуда такие сиськи? Одежда трещит.

Дядька Петр рассмеялся.

– Зато теперь не надо прятаться. Дыши свободно, гуляй, где хочешь. Ни один, кто знал прежде, не опознает.

– Дядька Петр, скажи, почему за свободу надо платить такую высокую цену?

– Потому что она бесценна, – он вытащил из-за пояса кнут и передал его красному, точно рак, Егорке. Наверняка малец подслушивал нашу беседу.

К тому времени он уже запряг лошадей. Я забралась на

облучок и пристроилась рядом с мальчишкой. Дядька Петр пошел к голове обоза. Теперь ему не надо все время находиться рядом со мной, боясь, что меня опознают.

– Ягори, подожди! – крикнул кто-то, как только мы только тронулись.

Егорка осадил лошадей и пихнул меня локтем.

– Тебя зовут, оглохла, что ли? – буркнул он. – Или забыла, что тебя Ягори звать?

Я цыкнула на мальчишку и оглянулась. Бежала Зорька.

– На, бабушка передала. Всю ночь юбку переделывала, – она сунула мне свернутую в узел красную ткань. – Сказала, чтобы сразу переоделась. Нельзя тебе в своем платье разгуливать. Вдруг заприметили его на княжне? Ткань дорогая, пуговки из кости сделаны. Кружево на верхней рубашке по цене коровы. Вот и прицепятся с расспросами, где взяла. Так как теперь ты рома, то сразу скажут, что украла. Еще плетей отхватишь.

Я вздохнула и полезла в кибитку, а Зорька заняла мое место рядом с Егоркой. Повозка тронулась, и я торопливо принялась переодеваться во все новое.

Всю дорогу до города Ахмыла Зорька учила меня песням и движениям танца, из-за чего наша кибитка сотрясалась, точно лихорадочная. Хорошая память и природная способность легко выделывать коленца вселили в меня уверенность, что через несколько уроков не стыдно будет выдавать себя за дочь дорог.

– Бабушка тебя гадать научит, и будешь настоящей рома.

Мы обе радовались тому, что стали подругами. Егорка косился на нас и скрипел зубами. Я отняла у него часть внимания Зорьки.

С главных ворот нам в Ахмыл въехать не позволили. Был ярмарочный день и без нашего обоза повозок хватало. Пришлось объезжать город стороной, чтобы попасть в другие ворота, где до площади и идти дольше, и улицы погрязнее. Но и там нас не пустили. Сколько ни убеждал дядька Петр, что кукольники да ряженые приехали народ веселить, отказали. Пришлось нам искать место, где пристроить обоз.

Когда двигались вдоль городской стены, проехали мимо храма на холме, и мне тут же вспомнились охваченные огнем лики богов и слезы богини Мокоши, сочащиеся из потрескавшегося дерева. Сердце сжалось от боли, и меня неумолимо потянуло подняться к богам в обитель.

С нетерпением я ждала, когда мы устроимся на одном из постоялых дворов, чтобы кинуться бегом в храм и поклониться Великой Ткачихе. Сейчас я особенно сильно нуждалась в защите богини земли, вод и плодородия. Я не знала, примет ли она меня после колдовских чар, но то, что я осталась прежней в душе, не несла в себе злобу на весь мир, а в моем чреве таилось любимое дитя, должно было растопить ее мудрое сердце.

Когда всех скоморохов с их куклами, дудками и балалайками усадили в большой цветастый шарабан и увезли в го-

род, собрались и мы с Зорькой. Потопали пешком в компании еще нескольких женщина рома.

Подойдя ближе к городской стене, я шепнула Зорьке, чтобы дальше ступали без меня, а сама побежала к холму. Поднявшись по крутым ступеням, с опаской вошла в храм, где стенами был частокол, а крышей открытое небо.

Меня встретили потемневшие от времени и непогоды каменные идолы. Они смотрели на мир грубо вытесанными глазницами. Их лики снизу подсвечивал огонь, разведенный в чаше железного треножника, отчего казалось, что боги хмурятся.

– Великая Ткачиха, Мать-сыра земля, – шепотом произнесла я, встав перед богиней Мокошь, – ты, как и я, носила под сердцем дитя, поэтому понимаешь, как страстно я желаю родить его сильным и здоровым. Прими под свое покровительство сироту и помоги в трудный час.

Я положила к ее ногам нитку жемчуга. Ничего более ценного у меня не было, но я решилась принести этот дар, чтобы Мокошь выделила меня в веренице поклоняющихся ей людей.

Я подняла глаза на высокого идола. Одна рука богини лежала на животе, другая прижималась к сердцу. Пляшущее в чаше пламя бросало блики на лицо Ткачихи судеб. И казалось, что она то улыбается, а то вдруг кривит лицо, словно от сильной боли.

Я знала о ее боли. Жена главного и самого грозного бога,

она изменила ему с богом Велесом, и разгневанный Перун убил всех ее детей. Великая Ткачиха познала и материнство, и горе утраты, и отчаянную любовь к мужчине, из-за которой потеряла все.

– Как ты вынесла свою боль? Как оправилась? – спросила я, хотя понимала, что не получу ответа.

Что-то громко покатилось по полу и, стукнувшись, остановилось у моих ног. Я опустила глаза и увидела оберег, в круге которого пылало солнце, а в центре светились красные руны – четыре маленьких ромба. Я знала, что они означают. Совесть, дух, душа и тело. Маменька заставляла нас с сестрой вышивать эти важные символы Мокоши.

Данный богиней знак обещал помощь и защиту. Поблагодарив Великую Ткачиху и зажав в кулаке оберег, я покинула храм.

Зорька и женщины никуда не ушли, дождались меня. Видать, дядька Петр велел за мной присматривать. Никто не ворчал, с пониманием отнесся к моему желанию поговорить с богами.

По сравнению с величавым Ахмылом мой родной город казался маленькой деревней – столько здесь было домов и народа. Празднично одетые люди шли к центру поодиночке и целыми семьями. Ближе к ярмарочной площади женщины рома ловко растворились в толпе. Каждый занялся своим делом.

– Ты сегодня только присматривайся, – взяв меня за руку,

поучала Зорька. – Если заметишь опасность, дашь мне знак. В случае беды сама не вмешивайся, уходи сразу на постоялый двор. Я выкручусь.

– Ты танцевать собираешься или… – я нахмурилась.

– Или, – подмигнув мне, ответила Зора. – Город большой, богатых людей много, есть чем поживиться. Если крик поднимут, затеряться на кривых улочках просто. Плясками, подруга, много не заработаешь.

Я с трудом сглотнула. Не так я представляла помощь дядьке Петру.

Я едва поспевала за шмыгающей в толпе Зорькой. Люди торговались, били по рукам, лакомились сладостями, смотрели на представление скоморохов и кукольников, веселились и смеялись над шутками и похабными частушками. А я ужом скользила за подругой, только и успевая ахать, когда та показывала мне очередной срезанный кошель, который тут же прятала под широкой юбкой.

– Пора уходить, – после очередного забега по площади шепнула мне Зорька, а я выдохнула с облегчением. Мой первый рабочий день на новом поприще подошел к концу.

Она пошла первой, я за ней. Обе понимали, пока не выберемся за городскую стену, успокаиваться рано. Мало ли, вдруг кто-то наблюдал за нами и понял, что не просто так околачивались в людном месте?

На улице ниже площади один из прохожих нечаянно толкнул меня, и я вылетела на дорогу, где едва не попала под ко-

пыта лошади. Всадник оказался более внимательным, а потому успел схватить меня за руку. Его прикосновение неожиданно обожгло. Я даже взвизгнула от боли.

– Что такое? – недоуменно спросил он, отпуская мою руку.

Я потерла ноющее место, и в этот самый миг в голове мелькнуло видение: бросающаяся в атаку черная змейка. Я даже отшатнулась, настолько правдоподобно она выглядела. Распахнутая пасть, выворачивающиеся для укуса два острых зуба. Но нападала она не на меня, а на того самого мужчину, что застыл, ожидая ответа.

– В вашей кровати змея, – выпалила я, поднимая на всадника глаза. Немолодой, но красивый, волосы темные, по вискам побиты сединой. Одежда дорогая, лошадь из породистых. Сразу видно, из высокого сословия.

– Знаю, – он улыбнулся мне. – Ее и сестра моя так называет.

– Нет, вы не понимаете. Змея вас укусит, – я нервничала, не понимая, откуда знаю, что кровать та широкая да под пологом. На полу ковер из Персии. А под шелковым покрывалом прячется в складках змея. Тоненькая, всего-то с палец, но смертельно опасная.

– Каждый день жалит, – со смешком ответил мне чернявый. Ему нравилось смущать своими ответами девчонку рома. – Для того и держу.

– Почему вы не боитесь смерти? Вы колдун? – я знала,

только колдуны могут справиться с ядами.

– Нет, – он помотал головой. В его глазах светился интерес. – Я не колдун и смерти, как всякий смертный, боюсь.

– Тогда не ложитесь в свою кровать. Змея, кем бы она ни была, обязательно вас ужалит. Если не послушаетесь, не проснетесь.

Мужчина наклонился и посмотрел мне в глаза. Не знаю, что он там увидел, но улыбка с его лица слетела.

Глава 7

Я сделала шаг назад. Слишком внимательными стали глаза всадника. Я увидела в них невероятную силу и власть. Озноб пошел по коже – такой растопчет и не оглянется.

– Погоди, – он протянул руку, чтобы схватить. Понял, что я собираюсь бежать. – Так ты сейчас говоришь о настоящей змее?

– О черной маленькой змейке, – я отступила на безопасно расстояние, чтобы не дотянулся. – Она вас будет ждать под шелковым покрывалом, на углу которого вышиты серебром обережные руны.

– Откуда ты все это знаешь? – всадник распрямился.

– Ведаю.

– Скажи тогда, кто мне желает зла? – его голос сделался вкрадчивым. – Не бойся, не трону.

Я подошла ближе и взяла его за руку. Та была горячей, но уже не обжигающей. Расправила его ладонь и повела по ней пальцами. И неожиданно ясно увидела двух женщин, стоящих друг против друга. Глаза одной полыхали ненавистью, на лице другой змеилась улыбка. Вокруг каменные палаты, богатство и достаток.

Я моргнула, но видение чужого дома не ушло. Мало того, я услышала, как заговорила старшая – черноволосая, с крупными чертами лица, тяжелая телом и поступью.

– Сгинь, нечисть! – приказала она, повелительно махнув рукой. – Не стой на моем пути.

Вторая, молодая, с длинными распущенным волосами, похожая на персиянку и одетая на восточный манер в открытые летящие одежды, нарочито медленно обвела языком пухлые губы, прежде чем уязвить старшую.

– Нет больше твоей власти над Ярославом. Знай, завтра же он прикажет тебе вон из палат ступать. Я уж постараюсь.

Чернявая, оскалив зубы, влепила младшей пощечину. Такую крепкую, что «персиянка» отлетела в угол. Поднявшись злой кошкой, она кинулась на старшую и вцепилась той в волосы. Ее напора хватило, чтобы опрокинуть толстуху. Обе покатились по полу.

Я отпустила руку всадника. Покачала головой.

– Не знаю, что сказать. Остерегайтесь обеих ваших женщин. Обе не любят, но обе хотят властвовать над вами.

Лицо всадника помрачнело. Он торопливо достал из кафтана монету и протянул мне. Ударив коня по бокам, направил его в обратную сторону. Я проводила незнакомца долгим взглядом, прежде чем расцепить пальцы и посмотреть на монету. И не поверила своим глазам. Золотой!

– Уф, а я думала, тебя схватили! – рядом появилась Зорька и, взяв с моей ладони монету, попробовала на зуб. – Настоящая! Не обманул. Что же ты ему такого сказала, что он так щедро заплатил?

– Чтобы он разобрался со своими женщинами.

– Правильно! – похвалила она. – Верный совет, когда не знаешь, что ответить мужику. Рядом с каждым из них не одна женщина крутится. Он сам найдет виноватую.

Я забрала у подруги монету и положила туда же, где хранила амулет – во вшитый в юбку карман. Взявшись за руки, мы с Зорькой побежали вниз по улице – к выходу из города. Только оказавшись за воротами, перевели дух.

Всю дорогу до постоялого двора я думала лишь о том, что на дороге могла покалечиться или даже убиться, если бы меня не поймал за руку всадник. Я не только избежала смерти, но и неожиданно для самой себя увидела его будущее, ни на мгновение не усомнившись, что оно правдиво. Никогда прежде у меня не было таких способностей. А тут точно молнией ударило, стоило незнакомцу коснуться моей руки.

Мы с Зорькой до площади и обратно тоже шли рука об руку, и на самой площади меня не раз пихали, но дар ведуньи не просыпался. Что же случилось со мной? Кому говорить спасибо за прозрение? Самому всаднику? Вдруг он солгал, что не колдун, убоявшись, что его сила на меня подействовала? А может, это ведьмовские капли виноваты? Или… или я получила награду от самой Великой Ткачихи?

Я едва дождалась, когда шуты и кукольники вместе с Петром вернутся из города. У них сегодня тоже случилась неплохая добыча, но моему честно заработанному золоту дядька обрадовался больше меня. А когда я вытащила из кармана амулет и рассказала, где его нашла, и что случилось

потом, только и выдохнул:

– Это же Берегиня…

– Кто такая Берегиня? – я придвинулась ближе. Мы сидели в кибитке и ждали, когда нас позовут на ужин.

Петр взял у меня кругляш с изображением солнца и четырех рун и, порывшись в одном из своих многочисленных мешочков, достал кожаный шнурок. Вдел в ушко, напялил оберег мне на шею и только после этого заговорил.

– Берегиня – это название твоего амулета. Сегодня не всадник тебя спас, и не капли ведьмовские наделили даром – отродясь за ними подобного чуда не наблюдалось, уж поверь мне. Сама Мокошь от тебя беду отвела. Это она незнакомца в бок толкнула, чтобы схватил, и она же помогла с ним рассчитаться. Добром за добро. Приглянулась ты ей чем-то. Только смотри, девка, боги суровы. Вечная Ткачиха не только помогает, но и подсыпает горсть соблазнов, чтобы проверить, живешь ты по совести или нет. Не зря же у нее в прислужницах две сестры обретаются – Доля и Недоля. Как повелит, так и будет. Одна из них нитку твоей жизни может сделать длинной, а другая, если оступишься или пренебрежешь законами предков, обрежет под корень.

Я накрепко запомнила слова дядьки Петра и поклялась себе, что всегда буду в ладах с совестью. Боги не шутят, с ними всегда нужно быть настороже. Теперь я не знала, радоваться мне, что попала под покровительство Великой Ткачихи, или лучше бы ее в моей судьбе не было.

Мирела тоже подтвердила, что нет у колдовских капель такой способности награждать ведовским даром. Слишком слабы чары ключевой воды для этого. Здесь сила помощней вмешалась.

– Это же какими делами мы теперь можем ворочать? – всплеснула бабушка Зорьки руками. – Пророчить не всякий способен, а если уж пророчество оправдается раз, другой, третий… Слава о тебе пойдет. В деньгах купаться будешь. Да за тебя любой князь убить будет готов. Кому не хочется иметь при себе ведунью, чтобы заранее знать, где беда ждет? А ты девка красивая, такую не зазорно и замуж позвать.

– Лучше бы тебе этих слов не произносить, – одернул старуху Петр. – Одно дело людям врать, когда по руке гадаешь. Они сами не особо верят словам рома. Но совсем другое выставить Ягори лакомой добычей. Девке еще дитя нужно выносить и в спокойствии родить. А ты ей пророчишь быть рабыней в руках того, кто никогда не отпустит. Решай прямо сейчас: молчим или разбегаемся?

Мирела открыла рот, поняв, что от ее ответа зависит, останется она под покровительством Петра или с остатками табора пойдет искать иной доли.

– Молчим, – кивнула она. – Конечно, молчим. Зачем нам надо, чтобы за Ягори охотились? Только от одной охоты избавились.

Дни летели за днями. Я училась танцевать, петь, гадать по руке, и ни разу случай ведовства не повторился. Сначала я

даже с опаской прикасалась к чужим рукам, но, поняв, что болезненного жжения нет и не будет, сделалась более смелой.

Правильно сказал дядька Петр, все случилось только из-за того, что всадник меня спас – не дал погибнуть под копытами лошади, а я отплатила ему предупреждением о смерти. Вы к нам с добром, и мы к вам с тем же. Для остальных я была просто одной из рома – гадалка и воровка. Ни душевного участия ко мне, ни желания отблагодарить. Так, проходящее развлечение.

Все лето и большую часть осени колесил обоз ряженых по городам и весям, забираясь все дальше на юг, чтобы захватить последние теплые дни. Но как бы мы ни бежали, ветра и дожди нас нагнали. Все труднее давались выступления на холоде, а в небольших и низких помещениях харчевен и постоялых дворов скоморохам развернуться было негде.

Денег собиралось все меньше и меньше, поэтому дядька Петр решил возвращаться, чтобы обосноваться на зиму в славном Граде. Здесь ватага скоморохов могла разбиться на мелкие компании и промышлять мастерством в разных частях города, чтобы принести в общий котел заработанную краюху хлеба.

Чтобы побыстрее добраться до стольного Града, решили ехать по прямой, минуя стороной все те селения, где уже выступали. Поэтому очень скоро наш обоз оказался недалеко от моего родного города, который я покинула чуть ли не пол-

года назад. На душе сделалось тоскливо. Я была уверена, что в городе Беримиров никто не опознает в девчонке рома бывшую княжну, поэтому упросила дядьку Петра остановиться хотя бы на день.

Очень хотелось посмотреть на знакомые с детства места, узнать, где нашли последний приют сестра, отец и матушка. Но еще больше мечталось сходить на могилу Игоря. Ведь должны же были похоронить моего любимого и его родителей по-людски, по законам предков? Не дикие же звери, чтобы не оставить от князей Ратиборов ни единого следа? Хотя с хищником Гораном стоило усомниться в своих доводах.

Живот мой хоть и вырос, все еще был мало различим под одеждой, а повязанный на талии цветастый платок так и вовсе отвлекал, и не давал зрителям в трактире разглядеть, что гадалка тяжелая. Научившись премудростям рома, мне все легче давались общие слова как о будущем, так и о прошлом. Только не было в них и толики от той правды, что ждала доверчивых людей.

Бывали случаи, когда ко мне проявляли интерес чужаки, сулили деньги или пытались взять силой, чтобы провела ночь в чужой постели, но яростный взгляд и выплевывание короткого «Прокляну!» быстро охлаждали желание насильничать. Даже до пьяного доходило, что не напрасно кидаюсь угрозами. Видимо, все основывалось на моей твердой уверенности, что за моей спиной стоят две сестры – Доля и Недоля, и они быстро подрежут нить жизни наглеца. Великая

Ткачиха строго блюла правило: добро за добро, зло за зло.

Скоро я доподлинно в этом убедилась.

Я шла по родным улицам и не узнавала их. Словно над ними раскинули большой полог, который погрузил веселый прежде город в тень. Темные покосившиеся дома, злой лай собак, хмурые лица. Люди недоверчиво оглядывались на меня, укутанную в невзрачный зипун и пуховой платок. Видели, что за мной следовали, прожигая прохожих угрюмыми взглядами, сразу двое – дядька Петр и наш силач-гимнаст, и сразу понимали – нас только тронь, быстро наваляют кулаками-кувалдами. Петр и Яков блюли между нами небольшое расстояние, догадываясь, что мне хочется остаться один на один со своими переживаниями.

Теплая длинная юбка, хоть и спасала ноги от холода, быстро собрала подолом талый снег, отчего понизу почернела. Даже если бы я и не поменяла лик, сейчас мало кто узнал бы во мне княжескую дочь Ясну. Слишком грубое сукно, слишком серые одежды.

Ближе к родному терему я прибавила шаг, но была сильно разочарована, когда на его месте обнаружила лишь пепелище. Сгинул дом моего детства так же, как сгинул прежний мир.

Глава 8

Я постучалась к соседям на противоположной стороне улицы. Купеческая семья издавна дружила с моими родителями. Двери приоткрыла старуха-мать. В мирные времена она была дородной и величавой и всегда отличалась богатством платья. Сейчас же точно сдулась, отчего морщин на лице прибавилось, да и одежда уже не дразнила дорогими тканями. Странно было и то, что двери открыла сама, а не челядь, которой прежде не было числа.

– Ох, – она поднесла руку ко рту. Тронула дрожащими пальцами губы, – поначалу думала, княжна Ясна стоит на пороге… Рыжий волос обманул. И белое личико. А сейчас вижу, не она.

– Не она, – подтвердила я, хотя поначалу сердце обдало холодом: неужели и в таком виде узнали? – Мы из ватаги перехожих скоморохов.

Я кивнула на стоящих поодаль сотоварищей.

– Что хотела, милая? – она бросила испуганный взгляд на обозных.

– Давно не были в вашем городе. Думали, представление дать для княжеской семьи, а оно вон как… – я, вздохнув, махнула рукой на сгоревший терем.

– Не до представлений нам, – старуха воровато огляделась, не подслушивает ли кто. – Живем под рукой грозно-

го князя Горана, а тот не любит шумных сборищ в городе. И вам бы уйти отсюда подобру-поздорову, пока его люди не явились по ваши души.

– А где сейчас князь Беримир и его семья? Я с княжной Ясной была немного знакома.

– На погосте все, – старушка горестно сжала губы.

– Так уж и все? – надо было отыграть свою роль до конца. – Неужели никто не спасся?

– Точно не скажу, – купчиха покачала головой. – Говорят, кто-то из сестер выжил, но вот где бедняжка теперь, знать не знаю.

– Спасибо, что подсказали, – я низко поклонилась. Как положено, когда благодаришь старых. – Схожу на их могилки, отдам дань уважения.

– А чего далеко ходить? Все семейство здесь, – старуха указала на пепелище. – На заднем двое закопали, точно собак. И Беримира с женой, и челядь, что пыталась на защиту встать. Но мой сын все же поставил памятный камень. Боялся гнева нового князя, но поставил. Иначе как-то не побожески…

Старуха, печально вздохнув, захлопнула ворота.

У меня отказали ноги, и я вынуждена была рукой опереться о стену. Яков сразу понял, подскочил, подставил плечо, о которое я оперлась и потихоньку пошла. Вдоль покосившегося забора, в обход упавших почерневших бревен, что некогда были стенами верхних палат, по запорошенному снегом

пеплу, что чавкал под ногами. Так, гуськом, и добрались до пустых конюшен.

Камень я приметила сразу. Валун, который еще нужно было умудриться притащить сюда, пестрел буквами. Я увидела имя отца, матери и… свое. Схватилась за сердце.

– Почему я? – спросила вслух, беспомощно оглянувшись на Петра. – Перепутали? Не поняли, кого хоронили? Волосы, что ли, не видели? Или обгорело все так, что трудно было узнать?..

Одно предположение было страшнее другого.

Дядька подошел ближе. Обнял за плечи.

– Вот и хорошо, что считают тебя мертвой, – попытался утешить он.

– Но искали же! Сама была свидетелем, когда всадники в черных одежках расспрашивали, с рыжих девок платки сдергивали. Значит ли это, что кому-то хочется, чтобы меня считали мертвой? Если так, то где имя моей сестры? Неужели жива?

– Не думаю, милая. Горан ее за волосы в сарай поволок, а потом вышел с окровавленным ножом. Сам видел. Я думаю так: предатель приказал всех закопать, а попутали имена не его люди, а соседский сын, что камень сюда приволок.

– Да, купчиха сказала, что одна из дочерей выжила, но не знает, какая, – нашла я оправдание словам Петра.

Постояли молча. Я поплакала. Погладила камень, когда прощалась с родными.

– Теперь в крепость Ратиборов сходить хочу, – сказала я, когда шли обратной дорогой.

– Не пущу, – резко возразил Петр. – Горан близких не пожалел, деревню сжег, а ты в его руки добровольно попасть вознамерилась?

– Сам же говорил, что я на себя не похожа. Даже если столкнемся, не опознает. А мне очень надо на кладбище при крепости попасть. Хочу с Игорем повидаться. Рассказать ему о нашем дитя.

– Нет, не буду рисковать. Не пущу.

– А если выступить с представлением? – вмешался в разговор Яков. – Пойдем всей ватагой. Не люди они, что ли, чтобы отказаться от веселья? Пусть даже не заплатят, но мы Горана и его дружину отвлечем и дадим Ягори могилку отыскать. Пусть поговорит, раз сердце просит.

Петр долго сомневался, но, когда мы вернулись к обозу, Мирела поддержала Якова.

– Девка тоску в себе носит. Пока собственными глазами могилу не увидит, так и будет маяться.

Пока они спорили, я представляла, как пойду на кладбище и не обнаружу имени Игоря на могильном камне. Хоть и привиделось мне прошлое, лица любимого я все же не разглядела. А мало ли рыжих среди нас? А может, само видение было обманным? Ведь могло такое случиться? Могло?

Не случилось. Я стояла у могилы Игоря и пальцами гладила грубо высеченные буквы. Кладбище обнаружилось за

крепостной стеной, в самой низине. Здесь снег лежал ломкой коркой. И веяло от земли лютым холодом. Но даже отсюда было слышно, как поют скоморохи частушки, громко трещат балалайки и воют дудочки, а им в ответ раздается хохот зрителей.

Обоз остался дожидаться нас у реки. Коней не распрягали. Женщин и детей с собой не взяли, чтобы сразу, как только закончится представление, рвануть прочь.

На кладбище со мной вместе пошла только Зорька. Думали, что две женщины в темном меньше привлекут внимание. Обманулись.

– Что вы здесь забыли? – грозный голос заставил нас вздрогнуть. Мы крутанулись на пятках, не ожидая, что кто-то может так беззвучно приблизиться. Снежный наст под его ногой не хрустнул. Ворон, с камня наблюдающий за нами, не взлетел.

Это был Горан. Хмурый. От него, стоящего в двух шагах от нас, разило пьяной березовицей. От страха я не смогла вымолвить ни слова. Нашлась Зорька.

– Мы брошенное за ненадобностью собираем.

Она вытащила из кармана нитку бус, которую совсем недавно я видела на одной из могил. Моя подружка не может не красть.

– То жертвенный дар для Мокоши, – глаза Горана налились кровью. Он стоял, покачиваясь, весь такой запущенный, с нечесаными вихрами, с торчащей в разные стороны боро-

дой. – А как смеешь ты, чумазая шлында, брать то, что не тебе дадено?

– От кривого тартыги слышу! – огрызнулась Зора, намеренно отвлекая Горана от меня.

Он пошел на нее. Зорька попятилась, дразня бусами, что заставило его еще больше озвереть. Горан сжал пальцы в кулаки, готовясь ударить. Я понимала, подруга давала мне время улизнуть. И я побежала.

Зря. Надо было крадучись удалиться. А я вновь, как когда-то в играх с Игорем, вызвала охотничий азарт. На этот раз у его брата. Только по крику Зоры: «Беги!», я поняла, что за мной гонятся.

Петляя между могилами, перепрыгивая через некоторые, скользя по снежной корке, я неслась изо всех сил. Молилась, как бы не упасть: широкая юбка то и дело путалась между ногами. Уже на краю кладбища, когда до сожженной деревни было рукой подать, а оттуда два шага до обоза, Горан меня нагнал.

Дотянувшись, он цапнул за пуховый платок. Я в него некрепко замоталась, а у могилы Игоря и вовсе распустила узел, поэтому вылетела из платка, как вареное яйцо из скорлупы. И услышала, как Горан пораженно вскрикнул:

– Ясна?!

Нет, нельзя было бежать, оставляя его в убеждении, что он видел княжескую дочь. Если так, Горан не успокоится, начнет преследовать. А найдя и поняв, что ошибся, все рав-

но отыщет причину, чтобы отыграться на беззащитных людях. За то, что напрасно потратил время, за то, что выглядит, обманувшись, глуподырым.

Я остановилась и развернулась. Убрала волосы с лица и, расхохотавшись, прямо посмотрела на его вытянувшуюся харю.

– Что? Нравятся тебе рыжие? Думал, княжна пред тобой? Ой, а может, ты сотворил столько зла, потому что был влюблен в Ясну? Злился, что она досталась не тебе, а твоему брату, да? Жаль, что я не она! Иначе плюнула бы тебе в лицо, чтобы показать, как ты мерзок.

– Хорошо, что ты не она, – Горан сузил глаза и двинулся в мою сторону, наматывая мой платок на кулак. – Ее бы любил и лелеял, тебя же буду держать при себе, точно собаку. На цепи. И бить каждый день за дерзость твою. Чтобы знала свое место.

Я опять громко рассмеялась, намеренно отвлекая его на себя. Знала, что ничего из обещанного не случится. Зора не даст.

Камень метко попал по темечку злыдня. Зорька хоть и выглядела тонкой и звонкой, в жилистых руках силу имела. А если помножить ту силу на злость, так вообще убить могла. Горан закатил глаза и рухнул на спину. Зорька, еще не остынув от бега, от души попинала поверженного.

– Пойдем, – протянула мне руку. – Наши петь прекратили. Скоро появятся.

– А этот?

– Пусть здесь лежит, – девчонка сплюнула. – Если найдут до ночи, выживет, а если нет – туда ему и дорога. Замерзнет, как пес подзаборный. Но если хочешь крови поганой, давай убьем его. Отомстим за твоих мать и отца. Камнем как следует саданем, чтобы больше не поднялся, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.